

ВРЕМЯ ЖУТЬ

неожиданный прорыв
в творчестве
**Людмилы
Петрушевской**

Поздравить Людмилу Петрушевскую с новым романом пришли многие — в том числе режиссер Юрий Норштейн
Фотограф: Владимир Суворов/Газета

МАРИЯ ТЕРЕЩЕНКО

Роман Людмилы Петрушевской «Номер Один, или В садах других возможностей» появился неожиданно. Петрушевская давно не радовала читателей новой прозой. Сборники рассказов последних лет состояли в основном из старых произведений и могли включать всего несколько новинок. В результате такого молчания имя Петрушевской, звучавшее в 90-х повсюду, стало понемногу выходить из активного словарного запаса читающей публики.

После затишья Людмила Петрушевская написала не просто книгу, а первый роман. За без малого тридцать лет творчества писательница ни разу не обращалась к крупным жанрам. Для нее предпочтительны жанры рассказа, маленькой сказки, стихотворения, одноактной пьесы. От правила писать коротко Петрушевская отходит лишь в некоторых пьесах («Три девушки в голубом», «Уроки музыки», «Московский хор») и в повести «Время ночь», которую она то ли в шутку, то ли всерьез тоже называет пьесой-комедией.

Сюрпризом для читателей станет фантастически-детективный сюжет романа. В романе есть все, что требуется читателям остросюжетной прозы: вымышленный народ, заложники, убийства, колдуны и переселение душ. Обращение к подобным темам опять же для писательницы не слишком характерно. Тема ее ранних рассказов и пьес — самая что ни на есть обычная жизнь, со всей ее «бытовухой», неурядицами и проблемами. В сказовой манере Петрушевская изображает существование «рядовой советской женщины»: нищета, бесконечные семейные конфликты, роды, смерти, свадьбы и разводы. И если результат творчества нельзя назвать образцом реализма, так только потому, что сама окружающая жизнь не реалистична, а скорее абсурдна. Сюрреализм приходит из жизни — как и нарочитая неграмотность, неправильность речи персонажей. Порой кажется, что в этих сюжетах, разговорах, монологах нет ничего вымышленного, а только тонко под-

меченное, угаданное и переложенное на бумагу, без прикрас.

Элементы «небывалого» появляются у Петрушевской впервые в цикле рассказов «Песни восточных славян» (1978—1979) — стилизованных под фольклор историй о явлениях мертвецов, по мотивам бродячих сюжетов, небывальщины и страшилок. Но в следующем сборнике с говорящим названием «Реквиемы» смерть изображается в реалистичном ключе, без тени мистики. К потусторонним явлениям Петрушевская возвращается снова в книге «В садах других возможностей». Как ни странно, этот сборник не имеет с романом почти ничего общего, кроме разве что названия и игры с другими вариантами реальности. В «Номере Один» нет ни отсылок к этому циклу рассказов, ни сюжетных заимствований. Конечно, можно найти сходство между Никулаем и дядей Корнилом («Чудо»), между блужданиями Номера Один по подъездам дома в городе Н. и путешествием девушки по странному городу в рассказе «Черное пальто», но эти параллели настолько незначительны, что выглядят скорее случайными, чем намеренными.

Невероятное само по себе почти не интересует писательницу. Ее фантастика возникает либо из аллегории, как в рассказе «Два царства», когда эмигрантский мир сравнивается с царством мертвых, либо из гротеска, как в «Гигиене», где изображена ситуация крайне тяжелой эпидемии. Либо, как в том же «Черном пальто», мистический

сюжет о переходном состоянии между жизнью и смертью является скорее развернутой метафорой, чем попыткой вообразить предсмертное или посмертное существование. Так же в пьесе «Бифем», где в результате эксперимента мать и дочь объединяются в одном теле: странное существо с двумя ссорящимися головами предстает перед зрителем как метафора симбиотических отношений между мамой и дочкой.

Другое дело — новый роман, сюжет которого построен на переселении душ и безграничных возможностях древних шаманов. В «Номере Один» впервые столь ярко проявляется талант Петрушевской как писателя-фантаста. И все же в первую очередь роман говорит о жизни людей во время пресловутого «переходного периода» (в тексте романа, словно гиперссылка, появляется время от времени пелевинская аббревиатура ДПП). Жизнь сама по себе настолько невероятна: она сама порождает такие чудовищные и неправдоподобные картины, что никаких реалистичных объяснений поступкам и событиям не придумаешь. Как может интеллигентный научный работник превратиться в бандита и убийцу, если не посредством метемпсихоза? Так ли уж невероятны события, происходящие недалеко от вымышленного городка Энтска, если, прочитав о них, хочется сразу залезть в Интернет и проверить, что из этого правда? Потому так хочется верить, что все эти кошмары — лишь результат древней магии, ворвавшейся в наш прекрасный рациональный мир.

Людмила Петрушевская

26.04.04